

ЛИТЕРАТУРА ЕСТЬ ОБЛАСТЬ ПРАВДЫ

Из писем А. М. ГОРЬКОГО

НУЖНО МНОГО И УПОРНО РАБОТАТЬ

С. Н. ЕЛЕОНСКОМУ

Сентябрь 1904, Ялта.

Сергей Николаевич —

я прочитал все Ваши рассказы и убедительно рекомендую Вам — подождите выпустить вторую книжку, ибо она будет много хуже первой, а Вы, конечно, понимаете, как это было бы невыгодно для Вас. Чтобы не показаться Вам голословным — рассмотрим несколько рассказов.

«Яблоки». Длинно, скучно, бессодержательно. Этот анекдот можно изобразить на одном печатном листе, Вы написали почти шесть. Бессвязно, тускло написана эта вещь, она не оставит в памяти читателя ничего, кроме раздражения против автора, который так много отнял времени и что дал? Обращаю Ваше внимание на отметки в рукописи, и — скажу прямо — Вам не следовало бы печатать такой плохой рассказ.

«Андрей Пареный». Для меня это — идеализация собачьей, рабьей психологии, идеализация, идущая вразрез с основным и великим течением современности, которое выражается в стремлении человека к свободе от всяческой кабалы, — кабалы государства, общества, семьи, предрассудков, преубеждений и т. д. Неужели Вам не ясно, что изображать человека рабом и любоваться его склонностью к подчинению — в наше время значит оскорблять человека?

Затем: Андрей в «Яблоках» и в рассказе его имени — два разные лица. В «Яблоках» Ваш герой больше человек, но — написан он аляповато, и никто Вам не поверит, что он так благороден и умен.

«Онуча» — Вы сами написали на отписке, что этот рассказ слаб и напоминает Златовратского по тону и нуждается в переработке. Нет, не тратьте времени, не переделывайте его, а просто — бросьте. Забудьте, что Вы написали эту штуку, полную слащавого сентиментализма и — простите! — не содержащую в себе ни одной ноты жизненной правды.

Для кого и для чего Вы пишете? Вам надо крепко подумать над этим вопросом. Вам нужно понять, что самый лучший,

ценный и — в то же время — самый внимательный и строгий читатель наших дней — это грамотный рабочий, грамотный мужик-демократ. Этот читатель ищет в книге прежде всего ответов на свои социальные и моральные недоумения, его основное стремление — к свободе, в самом широком смысле этого слова; смутно сознавая многое, чувствуя, что его давит ложь нашей жизни, — он хочет ясно понять всю эту ложь и сбросить ее с себя.

Что Вы даете этому читателю?

В большинстве Ваших рассказов содержание — анекдотическое, освещает жизнь Вы очень неопределенным светом, язык у Вас, местами, возмутительно плох. А нужно, чтобы язык был прост, ясен, точен — тогда он красив и понятен, тогда все, что Вы скажете этим языком, прозвучит сильно и ясно. Все Ваши рассказы — страшно растянуты, раздражающе длинны. Я не однажды указывал Вам на это, и — повторяю — Вы должны избавляться от этого серьезного недостатка. Порой Вы хотите писать «с юмором», но очевидно, что это не Ваш тон, — везде, где Вы впадаете в него, у Вас все выходит скучно, грубо, неловко.

Лучшим — сравнительно — рассказом является «Под опекой» — но это нужно сократить наполовину. Сделайте — и серьезность содержания его выиграет вдвое. То же и «Подвохи». И все вообще Вам нужно сокращать, сокращать! Займитесь этим, и так Вы можете научиться писать кратко, ясно, сильно.

«Купальня» — это коррекционная и — не из важных. Нельзя брать действительность так узко, как Вы взяли в этом рассказе. Нужна верность не фактам, а — психологии фактов.

«Хрустальное яблоко» — вещь до смешного наивная. Вам надо отрешиться от сентиментализма, он никому не нужен...

...Еще раз — все Ваши рассказы надо сократить, переделать, а «Яблока», «Хрустальное яблоко», «А. Пареный», «Купальня», «Онуча» — выбросить вон, сжечь их, забыть.

Несуразно написанный рассказ «Разъехались» тоже нельзя печатать так, как он написан. «Подвохи» — сократить наполовину.

Книжку решительно не советую выпустить, если Вы не хотите, чтобы над Вами глумились, чтобы читатель забраковал Вас. Простите за резкость — правда всегда невкусна, но она всегда необходима, а в литературе — тем более, ибо литература есть область правды. Вам нужно много и упорно работать и над самообразованием и над языком, чтобы после Чехова не писать «песен с гвоздем». Всего доброго!

А. ПЕШКОВ.

Елеонский (псевдоним Миловского С. Н., 1861—1911) — писатель либерально-народнического направления.

«МЫ ДАЛЕКО ВПЕРЕДИ ЭТОЙ СВОБОДНОЙ АМЕРИКИ...»

И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

Середина (конец) августа 1906 г. Адирондак.

Дорогой Иван Павлович!

Вот — пьеса. В ней — 3 действия, но, я думаю, это ничего, они довольно велики. Можете сказать Рейнгардту, что я в сентябре пришлю одноактную пьесу.

Посоветуйте ему не делать из рабочих — разбойников. Вообще, мне думается, Вы, в данном случае, могли бы дать театру ценные указания.

Подождите, если можно, печатать «Интервью» отдельной книгой, я пришлю еще несколько вещей. Необходимо выкинуть вон «Хозяев жизни» — это слабо. Может быть, я переделаю эту вещь.

Посылаю перевод контракта с американцами, — контракт — неважный, но — и то подай сюда! Они имеют в своих руках Австралию, Англию, Индию, Гвинею и т. д. Я заявлю им тут, что главный мой представитель — Вы, и от Вас они будут получать рукописи, Вам же должны направлять деньги. Мы с Вами поделим эти доходы так: 50% мне, 50 — партии...

...Пьесу я дам американцам, хотя заранее уверен, что толку здесь с ней не будет. Здесь — театральные синдикат. Ставят — пьесы, написанные по заказу их нарочитыми авторами. Гадость — ужасная! Балаган. Ибсен, Гауптман — не имеют никакого успеха. На днях в одном из журналов некий янки серьезно уверял публику, что Ибсен подражал Скрибу. Факт. В другом доказывалось, что он анархист и посему его пьесы не должны ставиться в Америке, — как будто их ставят!

«Интервью» я продал в журнал за 5 (тысяч) долларов. Когда я пришлю Вам контракт подлинный — предложите Вы этой фирме издать полное собрание моих сочинений. Я здесь очень читаюсь — «Фома» на днях вышел 17-м изданием, — по 5 (тысяч) завод. Это — очень! Беллами разошелся здесь всего в 6 т.! «Джунгли» Уптона Синклера — всего 3! А шумел на всю Америку!

Вообще с книгой здесь — плохо! Постыдно! Здешные социалисты ахают, когда называешь им цифры экземпляров социалистической литературы, издаваемой в России.

Знаете, что я Вам скажу? Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими.

Какие идиоты все эти Тверские и ему подобные русские писатели об Америке!

Впрочем — это философия. А действительность — я устал, как собака!

Скоро кончу повесть. Кажется, будет очень неудачна.

Кланяюсь. Жму руку.

Все здоровы.

А. ПЕШКОВ.

Ладыжников И. П. (1874—1945) — участник революционного с.-д. движения; выполнял за границей различные поручения большевиков по добыванию средств, транспорту и связи; в 1905 г. организовал в Берлине издательство, выпускавшее произведения М. Горького и писателей «Знания».

...Пьеса... — «Враги».

...«Интервью»... — «Мои интервью».

«Фома» — «Фома Гордеев».

...Беллами... — имеется в виду нашумевший утопический роман этого автора — «Через 100 лет».

Тверской П. А. — автор книги «Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов» (СПБ, 1895), написанной в либерально-буржуазном духе.

БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ В НАШИ ДНИ — ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ

А. С. ЧЕРЕМНОВУ

7(20) февраля 1907, Капри.

Дорогой Александр Сергеевич!

«Красный корабль», — думается мне, — должен дать сильное впечатление читателю-демократу — лучшему читателю наших дней. Мне Ваша поэма нравится, я искренно рад, что Вы написали ее так сильно, ярко, благородным стихом.

Горячо, всей душой желаю роста Вашему таланту, желаю Вам веры в призвание Ваше.

Знайте, что быть писателем в наши дни — великое счастье, ибо — Вас будет читать народ! Я хотел бы, чтоб Вы почувствовали лучшую радость на земле для поэта — радость быть близким народу своему. Эта радость кажется мне достижимой для Вас, Вы — талант, и Вы — на прямой, хорошей дороге.

Старик уже в сравнении с Вами, я позволю себе дать Вам добрый совет: всегда, неутомимо точите Ваше оружие, изучайте неисчерпаемо богатый, мягкий, прекрасный язык народа! Он может дать Вам си-

лы для выражения чувств и мыслей, доступных гению. И никогда не закрывайте глаз ни пред чем, ничего не бойтесь, ищите всюду себя самого — так Вы всегда, я уверен, найдете хорошее, ценное для всех.

Переходя к поэме, скажу — не лучше ли закончить ее там:

«И отвечал учитель мне — «Аминь!»

Дальнейшее — несколько расколлаживает, — Вы не находите?

С нетерпением жду Ваших работ, уверенный в росте Вашего духа.

О деловой стороне писать не буду, это Вам скажет Кон[стантин] Петр[ович]. Если нужны деньги — телеграфируйте, пишите.

Жму руку.

А. ПЕШКОВ.

Черемнов А. С. (1881—1919) — поэт и переводчик, печатавшийся в сборниках «Знания». Его поэма «Красный корабль» и две книги стихов не были изданы «Знанием» из-за цензурных препятствий.

СОЦИАЛИЗМ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ

А. В. АМФИТЕАТРОВУ

декабрь 1909 — январь 1910
Капри.

(Из письма)

Чего вы меня все «большевизмом» шпыняете? Вы же внимательный читатель! Большевик мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он — единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего личного человеческого достоинства.

Иного пути — не вижу. Все иные пути — от мира, один этот — в мир. Требуется, чтоб человек однажды сказал сам себе: Аз емь создатель мира. Именно отсюда — и только отсюда! — может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм.

Амфитеатров А. В. (1862—1923) — буржуазный фельетонист и писатель.

ПРАВДА МОСКВА 10 ОКТЯБРЯ

РУСЬ НАША БЫСТРО И ТАЛАНТЛИВО РАСТЕТ

М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
(Из письма)

13/VII 25 Сорренто.

...Так много пишешь писем, что не хватает времени читать книги, а читать надо много. Русь наша быстро умнеет и талантливо растёт.

На днях в «Правде» опубликована — вполне своевременно — резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы», — резолюция эта, песомненно, будет иметь крупнейшее воспитательное значение для литераторов и сильно толкнет вперед русское художественное творчество...

ИДЕЯ ЛЕНИНА ГЛУБОКО ВОШЛА В СОЗНАНИЕ РАБОЧЕЙ МАССЫ

Л. С. ДАНОВСКОМУ

Первая половина ноября 1927,
Сорренто.

Да, десять лет тому назад я думал не так, как думаю теперь; тогда мне казалось, что Ленин переоценивает силы организованного пролетариата и что большевики не преодолеют анархии, вызванной войной, а, наоборот, будут захлестнуты анархией. В 18 г., тотчас же после покушения на жизнь В(ладимира) Ильича, я отказался от этих мыслей, ибо всеобщее возмущение рабочих этим гнусным актом показало мне, что идея Ленина глубоко вошла в сознание рабочей массы и организует ее силы с удивительной быстротой. Рост и героическую работу этих сил я наблюдал до конца 21-го года в России, и вот уже 6 лет наблюдаю отсюда.

Теперь я думаю, что только люди, ослепленные злобой на б(ольшевиков) за свои личные неудачи, люди, которым хотелось бы возвратиться к сомнительно «культурной» жизни довоенного времени, мешают различной окраски, мелкие честолюбцы и вообще отжившие, негодные для жизни люди, могут не признавать значения той великой работы, которая совершена Раб(оче)-пр(естыанской) властью за истекшее десятилетие.

М. ГОРЬКИЙ.

О ЮБИЛЕЯХ

И. И. СКВОРЦОВУ-СТЕПАНОВУ

30 ноября 1927, Сорренто.

Дорогой т(оварищ) Иван Иванович!

С ужасом прочитал опубликованное в «Известиях» сообщение о юбилейном комитете. Именем всех людей, преждевременно и невинно убиенных юбилеями, заклинаю: не делайте этого! Ибо: это превратит меня в несчастнейшую жертву общественного внимания и решительно и неоправдимо испортит мне поездку в Советы.

Я хочу побывать в различных знакомых и незнакомых мне местах незаметным наблюдателем, для чего уже начал отращивать бороду, хочу, при помощи ринопластики, сделать себе римский нос и выкрашу усы в какой-нибудь необыкновенный, например, голубой цвет.

В таком непохожем на Горького виде, я получу возможность наблюдать людей в их естественных настроениях и позах, что, разумеется, очень важно. А если меня раздуют красноречием юбилейных речей и в качестве известного юбиляра я предстану пред людьми, они — как это всегда бывает — начнут показывать мне самих себя умниками и вообще «подтянутся».

Художнику же, как Вы знаете, необходимо заставить людей врасплох и отнюдь не в позах для прелестного фотографического снимка. Разумеется, мне важно в человеке прежде всего его хорошее, ценное, но я должен сам найти это, наблюдаемый же показать свое ценное или не умеет или умеет плохо, или же, вместо подлинного своего лица, показывает, — от конфуза, а также от излишней храбрости, — какое-нибудь другое место.

Все это я пишу совершенно серьезно, и за шутивным тоном скрывается умоляющий. И — подумайте: кому нужен этот юбилей? Вам? Не нужен. Мне? Я уже и без того «обременен популярностью». Мне пишут благодарственные, а также и ругательские письма, пишут стихи, в которых «ту-ча» рифмуется с «пуча». К тому же я намерен очень долго жить, и будет грандиознее, если комитет устроит юбилей в 38-ом году. Тогда и времени свободного для таких занятий больше будет, да и я, наверное, начну писать лучше. И длинных романов не буду писать. Серьезно, Иван Иванович, давайте ликвидируем этот комитет, объявив, что по просьбе обвиняемого и в ожи-

дании дальнейших его поступков дело о нем отложено на десять лет.

Или — на пять.

Честное слово — я пишу совершенно серьезно, если же «не выходит», так это по вине смехотворности самой темы письма. Ибо Владимир Ильич сугубо верно сказал в день 50-летия его: «Смешная штука эти юбилеи».

Наконец, уж если признано необходимым шуметь, я предлагаю устроить шум в августе или сентябре, после того, как мне удастся беспшумно побывать везде, где следует быть. Тогда и раскрасноречьте меня и расципероньте, как Вам будет угодно. Даже с участием джаз-банда, причем я обещаю сам играть на барабанах.

Пожалуйста, отнеситесь к предложению моему серьезно, право же, оно этого заслуживает.

Мой сердечный привет.

И подписуюсь:

безжалостно приговоренный к юбилейному наказанию

А. ПЕШКОВ

цеховой литературного цеха.

ЛЕНИН ВСЕГДА ВСЕ ПРЕДВИДЕЛ, ПРЕДЧУВСТВОВАЛ

Н. К. КРУПСКОЙ

16 мая 1930,
Сорренто.

Дорогая Надежда Константиновна — сейчас кончил читать Ваши воспоминания о В(ладимире) Ильиче, — такая простая, милая и грустная книга. Захотелось отсюда, издали позжать Вам руку и — уж, право, не знаю, — сказать Вам спасибо, что ли, за эту книгу? Вообще — сказать что-то, поделиться волнением, (которое) вызвали Ваши воспоминания. А тут еще: вчера были Д. И. Курский с Любимовым, и Курский рассказывал о работах Фохта, о структуре мозга В(ладимира) Ильича, и всю ночь я думал о том: «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!»

Очень ярко вспомнился визит мой в Горки, летом, кажется, 20-го г.; жил я в то время вне политики, по уши в «быту» и жаловался В. И. на засилье мелочей жизни. Говорил, между прочим, о том, что, разбирая деревянные дома на топливо, ленинградские рабочие ломают рамы, бьют стекла, зря портят кровельное железо, а у них, в домах — крыши текут, окна забиты фанерой и т. д.

Возмущала меня низкая оценка рабочими продуктов своего же труда. «Вы, В. И., думаете широкими планами, до Вас эти мелочи не доходят». Он — промолчал, расхаживая по террасе, а я — упрекнул себя: напрасно надоедаю пустяками.

А после чаю пошли мы с ним гулять, и он сказал мне: «Напрасно думаете, что я не придаю значения мелочам, да и не мелочь это — отмеченная Вами недооценка труда, нет, конечно, не мелочь: мы — бедные люди и должны понимать цену каждого поляна и гроша. Разрушено — много, надобно очень беречь все то, что осталось, это необходимо для восстановления хозяйства. Не — как обвинишь рабочего за то, что он еще (не)осознал, что он уже хозяин всего, что есть? Сознание это явится — не скоро и может явиться только у социалиста». Разумеется, я воспроизвожу его слова не буквально, а — по смыслу.

Говорил он на эту тему весьма долго, и я был изумлен тем, как много он видит «мелочей» и как поразительно просто мысль его восходит от ничтожных бытовых явлений к широчайшим обобщениям. Эта его способность, поразительно тонко разработанная, всегда изумляла меня. Не знаю человека, у которого анализ и синтез работали бы так гармонично. В другой раз я пришел к нему с проектом вывоза из Ленинграда дефективных детей куда-нибудь в отдаленные монастыри, дабы отделить их от нормальных ребятишек, — первые действовали на последних крайне вредно. Но оказалось, что В. И. уже думал об этом, говорил с кем-то из товарищей. «Богда вы успеете?» — спросил я. — «У меня вопрос этот возник еще в Лондоне, в Уайт-чепеле», — сказал он.

Дальнозорок был. Беседуя со мной на Капри о литературе тех лет, замечательно метко характеризую писателей моего поколения, беспощадно и легко обижая их сущность, он указал и мне на некоторые существенные недостатки моих рассказов, а затем упрекнул: «Напрасно дробите опыт ваш на мелкие рассказы, вам пора уложить его в одну книгу, в какой-нибудь большой роман». Я сказал, что есть у меня мечта написать историю одной семьи на протяжении ста лет, с 1813 г., с момента, когда отстраивалась Москва, и до наших дней. Родоначальник семьи — крестьянин, бурмистр, отпущенный на волю помещиком за его партизанские подвиги в 12 году, из этой семьи выходят: чиновники, попы, фа-

бриканты, петрашевцы, нечаевцы, семи и восьмидесятники. Он очень внимательно слушал, выспрашивал, потом сказал: «Отличная тема, конечно — трудная, потребует массу времени, я думаю, что Вы бы с ней сладили, но — не вижу: чем Вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции, а теперь что-нибудь вроде «Матери» надо бы». Конца книги я, разумеется, и сам не видел.

Вот так всегда он был на удивительно прямой линии к правде, всегда все предвидел, предчувствовал.

Впрочем — что ж я Вам говорю это, Вам, которая всю жизнь шла рядом с ним и знаете его лучше, чем я и все вообще люди.

Будьте здоровы, дорогая Надежда Константиновна. Крепко жму Вашу руку, товарищески обнимаю.

Горячий привет Марии Ильинишне.

А. ПЕШКОВ.

ГОВОРИТЬ МУЖЕСТВЕННО, КАК ГОВОРЯТ ВЫ

РОМЭНУ РОЛЛАНУ

15 января 1931, Сорренто.

Дорогой друг, —

простите, не мог своевременно ответить Вам, болела правая рука — ревматизм, а диктовать письма я не способен.

Не буду говорить о том, как восхищает меня Ваша стойкая защита Союза Советов и Ваша прекрасная статья против г. Риу, — между нами не должно быть места похвалам, а они неизбежны, и я выхожу из этого противоречия, обнимая Вас мысленно, крепко пожимаю Вашу руку артиста, учителя, борца.

В эти дни разжигания авантюристами вражды и ненависти между народами, во дни, когда угроза новой международной бойни становится все более реальной, в эти дни люди, которые умеют любить и верить, должны говорить именно так мужественно, как говорите Вы.

Совершенно изумителен небывалый цинизм капиталистов Европы, которые на глазах у всех безнаказанно создают кровавый заговор против трудового народа. Можно думать, что экономический кризис является частью этого грандиозного заго-

вора, что капиталисты искусственно создают армии безработных, для того чтобы превратить их в армии солдат. Возможно, что мы еще раз будем зрителями всемирной битвы нищих, организованной миллионерами.

Вот мысли и вот настроение, в которых я живу. Я знаю, что это и Ваши мысли, это меня всегда искренно радовало.

Вы хотели бы встретиться со мною, — это и мое давнее горячее желание.

В мае я уеду в Союз Советов, где проживу до конца сентября. Не позволит ли Вам здоровье приехать в Москву? Как Вы думаете?

Крепко жму Вашу руку, искренно желаю доброго здоровья!

М. ГОРЬКИЙ.

ПОКАЗЫВАТЬ РОСТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сотрудникам журналов

«Наши достижения», «СССР на стройке»
и активу Дома печати

27 сентября 1932,
Москва.

Дорогие товарищи!

К сожалению, не могу прийти на ваш вечер.

Хочется поговорить не о юбилее, а о той большой работе, которая ждет всех нас. Журналы «Наши достижения» и «СССР на стройке», работа актива Дома печати приобретают сейчас исключительное значение. Как никогда раньше, надо сейчас показывать рост социалистической культуры на фактах будничной, повседневной работы и борьбы, чтобы на этих фактах развивалось сознание глубокого смысла всей и всякой серьезной, честной работы, жизненно необходимой нашей стране.

Мы должны создавать мастеров культуры. Мы быстро выдвигаем свежие силы, но еще не выработали того чуткого отношения к молодежи, которое она заслуживает. Надо уметь учиться и уметь учить.

Нужно, не боясь надоесть, как можно чаще говорить молодежи о расширении ее внимания к жизни, надобно возбуждать жажду впечатлений в областях всех трудовых процессов.

Сердечно приветствую всех вас.

М. ГОРЬКИЙ.